

Курбатова Ольга Алексеевна

ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕНЕССАНС Н. В. ГОГОЛЯ

В статье рассматривается вопрос об итальянском периоде жизни Н. В. Гоголя. В этой связи автор обосновывает положение о том, что Италия явилась новым стимулом не только для переосмысления жизни писателя, его мироощущения и миропонимания (в том числе и религиозного), но и для появления особой миссии Гоголя, трансформирующего в своем творчестве западную ренессансную идею гармоничного человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 112-115. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Большой толковый словарь якутского языка** = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыгыта / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009. Т. VI. Буквы Л, М, Н. 519 с.
5. **Большой толковый словарь якутского языка** = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыгыта / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. Т. VIII. Буква С – сөллөбөр. 572 с.
6. **Большой толковый словарь якутского языка** = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыгыта / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. Т. IX. Буква С: сөллөй – сээн, буква Н. 627 с.
7. **Габышев Н. А.** Сүүс кэпсээн (Сто рассказов). Якутск: Кн. изд-во, 1982. 400 с.
8. **Егоров П.** Тыа дьоно (Жители деревни). Якутск: Кн. изд-во, 1966. 29 с.
9. **Золоторев Н. Г. – Н. Якутский.** Сэһэннэр (Повести). Якутск: Кн. изд-во, 1969. 156 с.
10. **Иванов М.** Оҕо сангата (Детская речь). Якутск: Кн. изд-во, 1983. 112 с.
11. **Лугинов Н. А.** Мэндимээннэр (Этажи). Якутск: Кн. изд-во, 1980.
12. **Лугинов Н. А.** Сэргэлээххэ (На Сергеляхе). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 176 с.
13. **Мординов Н. Е. – Амма Аччыгыйа.** Талыллыбыт айымньылар (Избранные произведения). Якутск: Кн. изд-во, 1966. Т. 1. 512 с.
14. **Никифоров И. П.** Илин былдыһы (Борьба за восток). Якутск: Кн. изд-во, 1972. 150 с.
15. **Сметанин Т. Е.** Талыллыбыт айымньылар (Избранные произведения). Якутск: Кн. изд-во, 1969. 464 с.
16. **Толковый словарь якутского языка** = Саха тылын быһаарыылаах тылдыгыта / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. II. Буква Б. 912 с.
17. **Толковый словарь якутского языка** = Саха тылын быһаарыылаах тылдыгыта / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. III. Буквы Г, Д, Дь, И. 844 с.
18. **Якутско-русский словарь** / под ред. П. А. Слепцова. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. 606 с.

VERBS OF SPEECH OF COMMUNICATION SUBGROUP IN THE MODERN YAKUT LANGUAGE

Kulichkina Matrena Dmitrievna

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
kulmotya@rambler.ru*

The article is devoted to the verbs of speech of the communication subgroup in the modern Yakut language. The lexical-semantic structure of the verbs of speech is presented, the hierarchical structure of the studied verbs is revealed. The identifier *санар* meaning “to say, to tell” acts as a base verb in the verbs of speech system. With the help of the seme “to talk”, which is contained in the semantic structure of the verb *санар*, the studied verbs convey different characteristics of pronunciation, assessment, emotions, exchange of opinions with a glance to its external and content characteristics.

Key words and phrases: verbs of speech; communication; lexical-semantic group; semantics; speech act.

УДК 82

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос об итальянском периоде жизни Н. В. Гоголя. В этой связи автор обосновывает положение о том, что Италия явилась новым стимулом не только для переосмысления жизни писателя, его мироощущения и миропонимания (в том числе и религиозного), но и для появления особой миссии Гоголя, трансформирующей в своем творчестве западную ренессансную идею гармоничного человека.

Ключевые слова и фразы: имагологический стереотип; писатель-фольклорист; антропоцентризм; русское зарубежье; филантропия; ренессансный образ; идея мессианства.

Курбатова Ольга Алексеевна, к. пед. н., доцент
*Башкирский государственный университет (филиал) в г. Бирске
solveig209@rambler.ru*

ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕНЕССАНС Н. В. ГОГОЛЯ®

Имагологический стереотип Италии как страны искусства, культуры, которая может дать новые идеи для развития духовной жизни других народов, волновал многих представителей русского литературного мира [7, р. 259]. Н. В. Гоголь – не исключение. Ему, как немногим из его писательского круга, удалось несколько раз посетить землю, подарившую цивилизации непреходящие во времени образцы и имена.

Тема Италии всегда будет неожиданно волновать Гоголя-историка и Гоголя-писателя. В этой стране он прожил десять лет, по прошествии которых испытал не только почти сакральный восторг перед творениями зодчих, художников, поэтов эпохи Римской империи и Ренессанса, но и голод, скуку безденежья, мучительные поиски Бога и веры. «...Я начинаю верить тому, что прежде считал басней, что писатели в наше время могут умирать с голоду. Но чуть ли это не правда. Будь я живописец, хоть даже плохой, я был бы обеспечен:

здесь в Риме около 15 человек наших художников, которые недавно высланы из Академии, из которых иные рисуют хуже моего, они все получают три тысячи в год. ...Но я писатель – и поэтому должен умереть с голоду», – с иронией писал Гоголь В. А. Жуковскому в апреле 1837 года [2, с. 106]. Неприкрытая ирония сквозит в данных строках, но ей есть объяснение.

Следует отметить, что до итальянских событий писатель мечтал о преподавательской деятельности, считая ее более весомой, знаковой и полезной, чем писательский труд. Гоголю однажды представилась возможность ее осуществления. В 1833 году в Киеве открылся университет, который мог раскрыть перед Гоголем большие перспективы: весьма органично соединить труд литератора с трудом ученого-фольклориста, историка-краеведа, собирателя чудных украинских фольклорных песен и преданий. Гоголь грезил о своей кафедре, которая сделает много добрых дел. Но его планам не суждено было сбыться: чиновничий бастион выдержал атаку, не прислушавшись даже к просьбе В. Жуковского и А. Пушкина. Гоголю в качестве альтернативы была предложена должность адъюнкт-профессора в Санкт-Петербургском университете. Но что значат скучные лекции по истории Средневековья по сравнению с «живой» деятельностью писателя-фольклориста и патриота?

«Наброски и заметки по истории Средних веков» Гоголя выглядят, несомненно, не только как филологический продукт, но и представляют большую историческую ценность (может быть, с иногда не совпадающими с официальной историей трактовками событий). И в этих исторических исследованиях Гоголя вновь преобладает итальянская история: начиная с периода ее развития до вестготов и рассматривая события конца Средневековья в Италии. Он с большим воодушевлением повествует об истории и нравах таких итальянских городов как Рим, Генуя, Неаполь и Венеция. Писателю пришлось немало времени провести в архивах, прежде чем исторические зарисовки появились на свет. И, следует сказать, что они воспринимаются в наше время с не меньшим интересом, чем его художественные произведения.

В Вечном городе Риме он будет жаждать обосновать свою мысль о нравственной жизни, будет искать в нем душу своей родины. «Слова о Риме – родине не были у Гоголя случайной, сгоряча брошенной фразой. Он повторял их часто и настойчиво. В апреле 1838 года Гоголь признавался М. П. Балабиной: "...когда я увидел, наконец, во второй раз Рим, о, как он мне показался лучше прежнего! Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это все не то, не свою родину, но родину своей души я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде чем я родился на свет". Вечный, классический Рим – как бы прародина русского, необычайно русского писателя Гоголя. Чем более русским ощущал себя Гоголь, тем ближе и роднее становился Рим» [6, с. 203]. Подтверждение мысли о том, что писатель проводил своеобразное сравнение Рима с родиной, отмечал визуальную похожесть, мы находим в письме А. С. Данилевскому, отправленном из Рима 15 апреля 1837 года: «Что сказать тебе вообще об Италии? Мне кажется, что будто бы я заехал к старинным малороссийским помещикам. Такие же дряхлые двери у домов, со множеством бесполезных дыр... Когда въехал в Рим, я в первый раз не мог дать себе ясного отчета: он показался маленьким; но, чем далее, он мне кажется большим и большим, строение огромное, виды красивее, небо лучше; а картин, развалин и антиков смотреть на всю жизнь станет. Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу – и уж на всю жизнь» [2, с. 104]. И еще одна фраза репрезентативна для Гоголя: «Словом, вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить» [Там же].

Гоголю в Италии было легче писать, свободнее размышлять об исторической миссии России, которую напоминали ему даже римские кафе и улочки [4], дома и люди. Именно в Италии он может спокойно и плодотворно работать, не оглядываясь на книжных филистеров и злорадствующих критиков. Россия «издалека» будет ему ближе и понятнее, чем в Петербурге. «...Переселенцы, они дышат там не так, как цветы, пересаженные в теплицу, нет, они там живут живее, чем жили прежде» [2, с. 112]. Эта смелая, почти революционная в данном контексте времени мысль, повторенная писателем не единожды, вдохновила Иеронима Кайсевича, который в апреле 1838 года как бы в продолжение беседы посвятил Н. В. Гоголю сонет:

*Видел я цветок прекрасный, пересаженный с поля,
Водой ключевой заботливо поливаемый,
И солнцем освещенный, и за стеклом согретый,
Но все-таки теряющий красу и печально поникий.
Видел я певца с Днепровской стороны.
Хоть сердцем и умом щедро наделенного,
И взрослого в райской земле, засеянной вдохновением,
Но все же осененного неясной болью.
Пришла весна, открыли прозрачную темницу:
Цветок, душистым фиалом приветствуя обнаженный луч,
Теплой росой утоляет долгую жажду.
И ты, вестник, будешь избавлен от мертвящей суши,
И песнь горняя сильнее затронет грудь братьев,
Только росе небесной не закрывай души [Там же, с. 114].*

И хотя у католического ксендза Кайсевича была другая цель (безуспешная) – переманить молодого литератора в лоно римско-католической церкви, – нужно отдать должное его прозорливости. Он уловил в Гоголе духовное совершенство, тайное страдание за судьбу родины, наполненной «мертвящей сущью», которую необходимо утолить (оживить) «теплой росой» – гением Гоголя.

Не удалась идея с принятием Н. В. Гоголем католичества и княгине З. А. Волконской, проживающей в Италии и собравшей вокруг себя русский кружок. Несмотря на дружеские отношения, на глубокое уважение к деятельности княгини, которая была не только проповедницей католических идей, но и великим филантропом, открывшим несколько школ для бедных детей, писатель не переступил порог западного христианства. Слишком настойчивы были попытки обращения в другую веру многих соотечественников, прибывающих в Рим. Хотя религиозно-экзальтированная натура З. А. Волконской привела к смертельному для нее аскетизму, она посеяла семена филантропии и в душе молодого Гоголя: вспомним его решение после издания первого тома «Мертвых душ» раздать пожертвования нуждающимся студентам. Гоголь посетит несколько итальянских городов: Рим, Флоренцию, Неаполь, будет знакомиться с русским зарубежьем, идеями римского папства. Но удивительно, что это подтолкнет его к более тщательному изучению русского православного богословия, которое, без сомнения, даст новую духовную пищу его будущим литературным творениям.

В Италии проснется его русская душа, радеющая за исправление и наставление на путь истинный. Именно эта страна дает русскому Парацельсу – Гоголю – новый сценарный контекст «оживления» «мертвых душ» по типу «Божественной комедии» Данте: выродившиеся людские типы (ад) очищаются духовно (чистилище) и перерождаются в гармонично-идеальных людей (рай). В этом заключается его, Гоголя, новая миссия – излечить Россию от язв на ее теле и в душе: корыстолюбия, духовной несвободы, чинопочитания, раболепия...

Будучи в Италии, Гоголь сумел воплотить многие свои литературные замыслы: написаны первый том поэмы «Мертвые души» и повесть «Шинель», переработаны повести «Гарас Бульба» и «Портрет», завершены в окончательной редакции пьесы «Ревизор» и «Женитьба», отрывок «Рим». В своих воспоминаниях о римской жизни Гоголя А. О. Смирнова-Россет отмечала, что «никто не знал Рим так хорошо, как Гоголь. Не было итальянского историка или хроника, которую он не прочел... Николаю Васильевичу Рим, как художнику, говорил особенным языком» [5, с. 50]. По преданию, Гоголь после посещения Колизея читал молитву св. Ефрема Сирина, что «так чудно Пушкин переложил в стихи (“Отцы пустынники и жены непорочны” 1836 г.), – и с тех пор уже не оставлял ее, читал ее утром и вечером» [Там же]. По мнению Ю. Манна, Россия «по глубине сокрытого нравственного и религиозного смысла» является для Гоголя аналогом Италии [3, с. 133-134].

Гоголь посетил несколько европейских стран (Францию, Германию, Швейцарию), но о Родине он мог писать только на итальянской земле. Почему? Ответ очевиден: в итальянской истории он нашел тот единственный и емкий образ, который волновал его во всех написанных им книгах, – образ человека. Италия сохранила дух эпохи Ренессанса, чьей колыбелью она была. Итальянская культура и литература выпестовали идею антропоцентризма, человека, равного Богу, свободного и гармоничного, человека-творца с божественной сущностью. Начиная с великого Данте Алигьери, имея продолжение в лирике Франческо Петрарки и апофеоз в романах и новеллах Джованни Боккаччо, эта идея пронзила умы своей гениальной простотой – человек есть центр Вселенной.

Кроме того, была некая похожесть в национальном типе двух европейских народов: эмоциональная открытость, щедрость души, природный юмор, поиски духовности, страсть к монументальности и роскоши, любовь к безудержным карнавальным праздникам, жизнелюбие, бесконечность появления талантов в искусстве, культуре, литературном творчестве. И, несмотря на видимую и замеченную писателем разницу в холодности и чрезвычайной меркантильности немцев и французов, Гоголь не отделял Россию от Запада и включал «рождавшуюся национальную русскую культуру в гуманистическую культуру Европы, которую он всегда рассматривал как единую, органически развивающуюся историческую целостность» [6, с. 204].

Поиски абсолюта, идеала человека-мессии привели Гоголя к пониманию, что классический тип творца, гения ренессансного типа воплощен в России в одном человеке, которого Гоголь без сомнения называет национальным поэтом, – Александре Пушкине, несмотря на то, что у них была непростая история взаимоотношений, порой дружеская, иногда довлеющая, почти соперничающая (об этом написано немало исследований). «Именно Пушкин смог сместить координаты времени и пространства в иную, новую художественную сферу» [1, с. 10-11]. Литературное содружество вскоре трагически прервется из-за гибели поэта. Гоголь дает обещание завершить не только свой главный литературный труд, но продолжить миссию Пушкина – быть пророком в своем отечестве: «Я должен продолжить мной начатый большой труд, который писать с меня взял слово Пушкин, которого мысль есть его создание и который обратился для меня с этих пор в священное завещание» [2, с. 105]. И никто в то время не предполагал трагическую судьбу «Мертвых душ», которую ей уготовил автор, вернувшись в Россию. Идеальное представление об идеальном и гармонически устроенном мире не может существовать в условиях несвободы. Гоголь сам вынес свой приговор второму тому «Мертвых душ».

Еще в римский период жизни Гоголя им был задуман апостольский проект, который, по мнению автора, должен был стать вершиной его жизни. Это идея особого высокого призвания и предназначения самого Гоголя, особой мессианской (пророческой) роли. И начало тому – в Риме, который есть прародина идей христианства в мире. Эстетический и религиозный идеал Рима превращался у Гоголя в своеобразный «концепт Рим», эстетический абсолют, в который включено было все: великая римская история, римская колыбель христианства, мистический ореол города, великолепная природа, искусство, поэзия, язык. Этот город – сакральный центр мира. В нем совершенно все, даже руины и позеленевшие статуи. Отсюда Гоголь видел развитие нового мира для своей родины, духовного и величественного, в котором, возможно, есть место и ему, новому (после гибели А. Пушкина) пророку России.

Гоголь восхищался Италией и обожал Рим. Они давали ему силы творить и чувствовать. Но итальянский Ренессанс Гоголя – это Россия, русская тема, русская история, русская жизнь, которую он страстно любил и жаждал ее полного духовного совершенства.

Список литературы

1. **Безруков А. Н.** Рецепция пушкинского текста в постмодернистской картине миромоделирования // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Челябинск: ЧелГУ, 2014. Вып. 91. № 16. С. 9-14.
2. **Гоголь Н. В.** Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 9. 784 с.
3. **Манн Ю. В.** Грани итальянской темы у Гоголя // Памяти Г. П. Макогоненко: сб. статей, воспоминаний и документов. СПб., 2000. С. 133-134.
4. **Мудров А.** Италия Гоголя [Электронный ресурс]. URL: <http://parnasse.ru/prose/essay/publicism/italija-gogolja.html> (дата обращения: 09.02.2015).
5. **Смирнова-Россет А. О.** Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. 789 с.
6. **Хлодовский Р.** Рим в мире Гоголя // Иностранная литература. 1984. № 12. С. 203-204.
7. **Kurbatova O. A.** Motives and Images in Alexander Blok's Italian Poems // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives: 3 International Symposium: Vienna, 2014. P. 259-264.

THE ITALIAN RENAISSANCE OF N. V. GOGOL

Kurbatova Ol'ga Alekseevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Birk
solveig209@rambler.ru

The article examines the issue of the Italian period of the life of N. V. Gogol. In this connection the author substantiates the statement that Italy became a new incentive not only for the rethinking of the writer's life, his world-view and world outlook (including religious one), but also for the appearance of a special mission of Gogol transforming the western renaissance idea of harmonious person in his creative work.

Key words and phrases: imagological stereotype; writer – specialist in folklore; anthropocentrism; the Russian abroad; philanthropy; renaissance image; messianism idea.

УДК 8; 811.111:3.39

Филологические науки

В статье рассматриваются особенности этимологии фразеологических единиц в английском и русском языках, имеющих в составе библеизмы. Автор налагает на исследование лингвокультурные рамки, пользующиеся в последнее время актуальностью ввиду относительной новизны направления, и уделяет особое внимание рассмотрению интересующих наименований как одного из источников образности лингвокультурного кода «Время».

Ключевые слова и фразы: лингвокультурология; библеизмы; религия; религиозные тексты; поговорки; языковая картина мира; культура.

Кутумова Софья Александровна

Московский городской педагогический университет» (филиал) в г. Самаре
smartellin@gmail.com

**РЕЛИГИОЗНЫЕ И БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ
КАК ИСТОЧНИК ОБРАЗНОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА «ВРЕМЯ»
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)[©]**

В когнитивной лингвистике понятие образности неизменно связано с понятием о языковой картине мира, выражающей и описывающей специфику человеческого бытия. Языковых картин мира существует столько, сколько существует способов видения мира, и они ответственны за формирование в сознании индивидуума представления об окружающей его действительности. Когнитивная лингвистика рассматривает языковую картину мира как глобальный образ окружающей реальности, являющейся непосредственным результатом всей духовной активности человека, поскольку возникает в процессе его контактов с миром. Познавая действительность, человек создает свое представление о мире, модель мира, в том числе и языковую. Все явления и предметы внешнего мира оказываются представленными в человеческом сознании в качестве определенных внутренних образов («смысловое поле», «система значений»), и, таким образом, картина мира – это система образов, в том числе и тех, которые находят свое воплощение в языке. Поскольку образ в качестве категории когнитивной лингвистики изменил направление лингвистических исследований, возрождается и интерес к паремиологии, прецедентным феноменам, фразеологии и т.д. [4]. А. В. Кунин называет фразеологию сокровищницей языка, поскольку во фразеологических единицах находят отражение история народа, своеобразие его культуры и быта [5, с. 4]. Представления о реалиях религиозного культа и библейские мотивы

[©] Кутумова С. А., 2015